

Мачтет Григорий Александрович

**Полное собрание сочинений Г. А.
Мачтета. Первое посмертное
издание с биографией и
портретом автора Г. А. Мачтет**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Г83

Г83 **Григорий Александрович М.**
Полное собрание сочинений Г. А. Мачтета. Первое посмертное издание с биографией и портретом автора Г. А. Мачтет / Мачтет Григорий Александрович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 251 с.

ISBN 978-5-519-95803-5

Путевые картинки; Стрекоза; В святое утро; Полоска неба

ISBN 978-5-519-95803-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПУТЕВЫЯ КАРТИНКИ.

Прерія и піонеры.

I.

Штатъ Канзасъ лежитъ въ той части территоріи Соединенныхъ Штатовъ, которая слыветъ подъ общимъ именемъ „преріи“. Часто это слово переводятъ словами: степь или равнина; но какъ тотъ, такъ и другой переводъ крайне ошибочны,—въ особенности, когда дѣло идетъ о Канзасѣ: ничего общаго съ нашей молчаливой, однообразной, ровной, гладкой, безлѣсной степью у него нѣтъ. Весь онъ—холмы и долины, пересѣченные множествомъ ручьевъ и овраговъ, часто высыхающихъ лѣтомъ, но шумливыхъ и многоводныхъ весною, покрытыхъ по берегамъ дубами, бѣлымъ и чернымъ орѣхомъ, сикиморами и колючимъ кустарникомъ, на острыхъ иглахъ котораго находишь часто неопровержимыя доказательства зоологическихъ экскурсій юнаго двуногаго поколѣнія за

птичьими гнѣздами... При заходѣ солнца, ручьи и овраги покрываются густымъ туманомъ, который утромъ клубами расходится по обширной синевѣ, что и послужило поводомъ индѣйцамъ,—сынамъ Великаго Духа пустыни, за долго до прихода блѣднолицаго кочевавшимъ по этимъ мѣстамъ,—назвать эту страну—Канзасъ, т. е. дымящійся ручей.

Ночью прерія—олицетворенная тишина.... Ни одного звука, ни одного движенія... Только луна, обливающая все своимъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ, плыветъ по усѣянному яркими звѣздами небу, глядясь и отражаясь въ безчисленныхъ ручьяхъ съ ихъ зеркальной, гладкой поверхностью, да мѣрно движутся, ползутъ и растутъ громадныя тѣни холмовъ, гигантскихъ дубовъ, тѣнистыхъ орѣховъ и развѣсистыхъ сикиморъ въ долинахъ. Трудно повѣрить, что нѣсколько часовъ тому назадъ вся прерія кипѣла самой шумливой жизнью и что еще чрезъ нѣсколько часовъ жизнь опять закипитъ со всею страстью... Все точно вымерло,—даже больше: точно здѣсь никогда и не было жизни! Теплый, мягкій воздухъ, весь пропитанный наркотическимъ запахомъ цвѣтовъ, какъ-то одуряетъ и невольно склоняетъ къ дремотѣ...

Но вотъ потянулъ вѣтерокъ и зашуршалъ гдѣ-то въ листьяхъ дикаго подсолнечника... что-то чирикнуло разъ, другой... вершины холмовъ чуть-чуть подернулись едва замѣтнымъ, дро-

жащимъ румянцемъ.... и разомъ, точно по мановенію жезла волшебницы, проснулась вся прерія. Все застрекотало, завизжало, зачирикало, зашумѣло на тысячу ладовъ и тоновъ, привѣтствуя близкое солнце.

Этотъ неистовый гамъ, этотъ рѣзкій переходъ отъ смерти къ жизни, эта дивная, постепенно открывающаяся предъ глазами, панорама изумруднаго, широкаго моря травы съ маленькими акрами лѣса, съ разбросанными на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга фермерскими деревянными хижинами, изъ высокихъ трубъ которыхъ начинается уже струиться сѣро-синій дымокъ, сначала точно ошеломить васъ... но, мало-по-малу, въ грудь вашу начнетъ закрадываться какое-то безотчетное, сильное чувство жизни, счастья и свободы....

Чудно хороши преріи! Не даромъ говорятъ, что кто прожилъ въ нихъ хоть немного, тотъ не захочетъ больше города.

Изъ коренныхъ обитателей Канзаса, съ уходомъ индѣйцевъ и громадныхъ буйволовыхъ стадъ дальше на югъ, въ такъ называемую „Indian Territory“ (земля, отведенная конгрессомъ индѣйцамъ: поселившійся тамъ бѣлый не находится уже подъ охраной законовъ Соединенныхъ Штатовъ), остались только милліонныя стада вѣчно стрекочущей стрекозы, тысячи ужей и гремучекъ, дикихъ степныхъ курицъ, маленькихъ бекасовъ и другихъ водяныхъ и болотныхъ птицъ, да множество степныхъ кроли-

ковъ.... Правда, на югѣ Канзаса, по границѣ съ „Indian Territory“, попадаются иногда и буйволы, и лоси, но въ такомъ незначительномъ числѣ и такъ рѣдко, что и упоминать про нихъ не стоитъ; все же человѣческое населеніе, исключая нѣсколькихъ небольшихъ селеній полуосѣдлыхъ индѣйцевъ,—пришлое. Изъ восточныхъ штатовъ,—стойкіе, смѣтливые, невозмутимо-хладнокровные, но добрые и въ большинствѣ случаевъ готовые отъ души помочь сосѣду въ нуждѣ янки, постоянно наѣзжающіе изъ Европы тупые, съ большимъ трудомъ сживающіеся съ американскими нравами, обычаями и учрежденіями нѣмцы, да горькіе пьяницы, фанатики ирландцы, всѣ политическія убѣжденія которыхъ черпаются ими изъ проповѣдей іезуитовъ-патеровъ.

Весь этотъ „сырой матеріалъ“, какъ зовутъ янки переселенцевъ (это названіе вполне гармонируетъ съ тѣмъ полупрезрѣніемъ, обиднымъ сожалѣніемъ и полуучастіемъ, съ какимъ природные янки вообще относятся къ переселенцу, не знающему ни ихъ языка, ни ихъ обычаевъ, запуганному, робкому и нерѣшительному), Америкѣ приходится перерабатывать, переламявать. Изъ этого дюжаго, но забитаго, пугливаго, нерѣшительнаго, вѣчно оглядывающегося, точно не знающаго, куда дѣвать самого себя, нѣмца нужно создать гражданина и полноправнаго, и свободнаго; изъ вѣчно пьянаго, вѣчно ругающагося, вѣчно дерущагося фана-

тика ирландца,—и безвреднаго человѣка, и такого же гражданина... Пройдетъ пять лѣтъ (необходимое время, которое переселенецъ обязанъ прожить въ Соединенныхъ Штатахъ, чтобы получить гражданство), и переселенецъ незамѣтно самъ для себя переродится. Онъ зоветъ уже себя гражданиномъ и гордится этимъ, сознаетъ свои интересы, свое положеніе, подаетъ голосъ (право голоса переселенецъ получаетъ и послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ какомъ-нибудь штатѣ, но только въ дѣлахъ штата, въ которомъ онъ поселится), участвуетъ въ митингахъ, не пугается, не оглядывается: онъ точно другимъ человѣкомъ сдѣлался, точно вторично „родился на свѣтъ Божій“, какъ говорятъ они.

Странной и невѣроятной можетъ показаться эта громадная перерабатывающая, цивилизующая сила государства тому, кто не стоялъ лицомъ къ лицу съ нею, во-очію не увидѣлъ, не осязалъ, такъ сказать, неисчерпаемаго духовнаго богатства этой націи. Но много труда,—за то велико и вознагражденіе. Эти сотни тысячъ рукъ, ежегодно приплывающихъ къ берегамъ Америки, не бездѣлица: это цѣлые милліоны, цѣлые милліарды, и во всякомъ случаѣ бѣльшіе милліарды, чѣмъ тѣ, которые Бисмаркъ взялъ изъ Франціи. Пусть-ка сочтетъ Германія тѣ милліоны, что она истратитъ на воспитаніе и кормленіе дѣтей своего народа, которыя, выросши, окрѣпши, ознакомившись съ трудомъ и запас-

шись небольшимъ капиталомъ, бѣгутъ чрезъ океанъ, чтобы тамъ, въ Новомъ Свѣтѣ, создавать тѣ знаменитые дворцы, пароходы, желѣзныя дороги, фабрики и заводы, на описаніе которыхъ туристы изводятъ цѣлыя стопы бумаги, и превращать дикую, дѣвственную пустыню, дикіе, первобытные лѣса — въ роскошный садъ и ферму.

Безъ особеннаго сожалѣнія, безъ слезъ, почти съ полнымъ равнодушіемъ бросаютъ переселенцы свою родину. Не много слезъ видѣлъ я, направляясь въ Гамбургъ, въ числѣ прочихъ, къ пыхтѣвшему и свистѣвшему пароходу, да и то плакали или молодой парень, цѣлуя на прощаніе невѣсту и призывая „den lieben Gott“ въ свидѣтели, что онъ ее „выпишетъ“ немедленно, какъ только пристроится, то отецъ съ дѣтьми, то братья... большинство точно убѣгало скорѣй отъ этихъ мѣстъ, гдѣ протекли ихъ дѣтство и юность. Рѣдко кто поворачивалъ голову назадъ посмотреть, какъ скрывалась вдали, въ туманѣ сине-зеленаго моря, родная сторона; но всѣ жадно, страстно всматривались въ синеву, когда мы подъѣзжали къ берегу Америки, чтобы поскорѣе увидѣть эту „счастливую страну“.

Я, однако, далекъ отъ того, чтобы слагать дифирамбы Америкѣ. Много темныхъ сторонъ, много пятенъ можно найти и тамъ, и написать о нихъ цѣлые томы, хотя и то нужно сказать, что при полной гласности и все ро-

стুষемъ образованіи гражданъ эти пятна и темныя стороны не страшны Америкѣ. Если я и употребляю такія выраженія, какъ „счастливая страна“, то дѣлаю это единственно съ цѣлью показать, какъ относится, какъ характеризуетъ эту страну масса переселенцевъ, смутно ищущая другого быта. Она не имѣетъ никакого опредѣленнаго, сложившагося идеала новой лучшей жизни, ничего выясненнаго; все ея желаніе—жить полегче, въ лучшей матеріальной обстановкѣ. Понятно, что Америка съ ея безусловной свободой, съ ея высокой заработной платой является для нея страной обѣтованной.

- Задолго до начала междоусобной войны, когда конгрессъ впервые провелъ границу между рабовладѣльческими и аболиціонистскими штатами, не позволивъ рабству переходить эту границу, Канзасъ, бывший тогда еще территоріей, а не штатомъ, сплошь населенный сіуксами, осседжами, команчами и другими индѣйскими племенами, служилъ ареной долгой, упорной, кровавой борьбы между аболиціонистами и рабовладѣльцами, — борьбы, которую вело не правительство, а народъ, противъ которой конгрессъ тщетно протестовалъ и которая послужила поводомъ назвать Канзасъ „кровавымъ“. Югъ, желая и Канзасъ приобщить къ числу мѣстностей, гдѣ было бы введено рабство, началъ усиленно заселять его своими единомышленниками, что было чрез-

вычайно удобно, такъ какъ Миссури, одинъ изъ рабовладѣльческихъ штатовъ, граничилъ съ Канзасомъ. Какъ только прослышали на востокъ объ этой агитаціи юга, немедленно потянулись оттуда фургоны смѣлыхъ аболиціонистовъ, немедленно образовались общества съ большими капиталами, поставившія своею цѣлью противодѣйствовать стремленіямъ юга помогать своимъ переселенцамъ деньгами, оружіемъ, платьемъ и поддерживать переселеніе въ Канзасъ аболиціонистовъ. Началась жестокая война; составлялись правильные военные отряды; давались настоящія сраженія; кровь лилась ручьями, чему помогали и индѣйцы, нападавшіе то на тѣхъ, то на другихъ. Горсть войска, которую конгрессъ послалъ для „усмиренія“, должна была стоять и смотрѣть, какъ дерутся граждане, не смѣя вмѣшиваться въ стычки, такъ какъ этимъ она помогала бы одной изъ двухъ дерущихся сторонъ, пока конгрессъ не отозвалъ ее обратно, увидя всю безуспѣшность подобнаго усмиренія. Нечего и говорить, что аболиціонисты не допустили рабства въ Канзасѣ.

Въ эпоху этой знаменитой гражданской войны впервые прозвучало великое имя Джона Брауна, „друга и защитника угнетенныхъ“, погибшаго такой геройской смертью, издававшего предъ собою смерть всѣхъ своихъ героевъ-сыновей, „одною рукою закрывавшаго имъ глаза, а другою заряжавшаго карабинъ“, какъ гово-

рить пѣсня. Это имя будетъ жить въ памяти народа, пока будутъ помнить имена Вашингтона Пэна, Франклина и Линкольна, пока будутъ существовать школы, и дѣти, распѣвая въ нихъ, свои пѣсни, будутъ пѣть:

„И трупъ Джона Брауна за нами идетъ:
Онъ знамя и ранецъ походный несетъ...
Онъ за свободу людей пострадалъ,
И намъ онъ свободу любить завѣщаль!“

Но прошли года, и Канзасъ изъ кроваваго превратился въ мирный земледѣльческій штатъ. Сѣверъ его и середина заселяются все больше и больше, и только югъ представляетъ собою еще дѣвственную пустыню. Туда-то мы и направимся съ читателемъ присмотрѣться къ жизни первыхъ поселенцевъ или такъ называемыхъ піонеровъ.

Предъ нами тѣ-же холмы, роскошныя долины, зеркальныя ручьи, красивыя береговыя рощи, то же чудное лазоревое небо: только вдали, къ югу, выдѣляются на этомъ свѣтлоголубомъ фонѣ темносинія очертанія горъ, пересѣкающихъ пограничную „Indian Territory“.

Года 4^{1/2} тому назадъ (въ Америкѣ это большая давность), по этимъ холмамъ и долинамъ не бродила нога „блѣднолицаго“. Только сыны Великаго Духа пустыни, гордые осседжи, обутые въ мокасины, обернутые въ шерстяныя одѣяла, вооруженные тугими луками и томагауками, преслѣдовали здѣсь сердитаго буйвола, быстроногого лося, курили „трубку

совѣта“, выходили раскрашенные на „боевую тропу“ и пѣли свои воинственные, монотонныя пѣсни.

Здѣсь стояли только „вигвамы“—жалкіе шалаши изъ древесныхъ вѣтвей, въ которыхъ отъ зари до зари, обливаясь потомъ, работала „скво“ на своего господина-супруга, сдирала кожу съ убитой дичи, варила, пекла, носила дрова, воду и проч., близъ которыхъ безмятежно отдыхалъ отъ трудовъ охоты „великій воинъ“, куря свою трубку и не подозрѣвая, что врагъ уже близко.

Кончилась междоусобная война, молніей прорѣзалъ паровозъ дикія преріи запада, мчась отъ одного океана къ другому... и вдали на горизонтѣ стали показываться бѣлыя пятна, сильно обезпокоившія осседжскихъ воиновъ, сильно возмутившія ихъ. Они зорки!... они различили вдали, что эти бѣлыя пятна—злѣйшіе враги ихъ, столь ненавидимые ими „корабли пустыни“—фургоны американскихъ піонеровъ.

Все ближе къ осседжамъ подвигались эти фургоны, все слышнѣе и слышнѣе становились для чуткаго уха краснокожаго стукъ топора, визгъ пилы и возня поселенцевъ, пугавшіе буйвола и лося... Наконецъ, они показались у самой границы, и вскорѣ начали переступать ее.

Пара крѣпкихъ лошадей или выносливыхъ, неприхотливыхъ муловъ, небольшой, но крѣпкій плугъ, большой крѣпкій топоръ, немного